человек загадка
Алла
БЕГУНОВА
РУССКАЯ
АМАЗОНКА
НАДЕЖДА
ДУРОВА

Алла Игоревна Бегунова

Надежда Дурова. Русская амазонка

Серия «Человек-загадка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653814
Надежда Дурова. Русская амазонка: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-0200-9, 978-5-4444-7947-6

Аннотация

Благодаря кинофильму «Гусарская баллада» некоторые факты из биографии первой русской женщины-офицера, знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, стали широко известны. Но Дурова прожила долгую, трудную и далеко не однозначную жизнь. Она служила в Российской императорской армии около десяти лет, была знакома со многими выдающимися деятелями эпохи Александра Первого и с самим государем. Ее литературный талант высоко оценивал А. С. Пушкин. Так почему ей мало было удела образованной светской дамы? В чем ее тайна – в простой попытке эмансипации, предвосхищающей дела феминисток? Или это желание подвига во имя спасения Отечества, неподвластное различиям пола и возраста?

Содержание

Предисловие 5
Дворяне Дуровы 8
Детство и отрочество Надежды Дуровой 12
Василий Чернов – муж Дуровой и Иван Чернов – ее сын 22
Побег из отцовского дома 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Алла Бегунова
Надежда Дурова. Русская амазонка

© Бегунова А. И., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Автор благодарит за помощь в сборе материалов для этой книги:

Генерального директора Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника РУДЕНКО Гюльзаду Ракиповну, директора музея-усадьбы Н. А. Дуровой в городе Елабуга ВАЛИТОВУ Фариду Хакимовну, заве дующую читальным залом Российского государственного военно-исторического архива БУРМИСТРОВУ Татьяну Юрьевну, зам. заведующего отделом Государственного архива Российской Федерации ТИХОНОВА Игоря Сергеевича.

Предисловие

Надежда Андреевна Дурова – героиня Отечественной войны 1812 года стала первой русской женщиной-офицером, первой женщиной, награжденной за боевые подвиги знаком отличия Военного ордена – солдатским Георгиевским крестом. Её романтическая биография послужила сюжетной основой для многих художественных произведений, в том числе для очень популярного в нашей стране фильма «Гусарская баллада», созданного на киностудии «Мосфильм» в 1962 году.

С точки зрения нашего времени, ничего необычного в многотрудной жизни и смелых деяниях Н. А. Дуровой не было. Её семейная жизнь не сложилась, и тогда, уйдя от мужа и поместив своего единственного сына в закрытое военно-учебное заведение, она все силы отдала освоению профессии и карьерному росту. Тысячи и тысячи молодых женщин ныне проходят подобный путь. Но в начале XIX столетия судьба Дуровой удивляла, восхищала, привлекала внимание русского общества. В ней видели знак времени, символ новой эпохи.

Отвагой дышит девы грудь…
Хребту коня свой стан вверяя,
Свой пол меж воинов скрывая,
В лихом бою воитель новый,
Беллоны вид приняв суровый,
В руке сжав сабли рукоять,
Летит на вражескую рать… —

такие стихи посвятил Надежде Андреевне ее современник, поэт А. Н. Глебов.

Между тем Дурова была в полной мере человеком своей эпохи. Эту эпоху принято называть наполеоновской. Она породила новый дух и новых героев в странах Европы.

Подвиги, блеск военной славы, великие сражения – все это волновало тогда сердца и души необычайно. Женщины не остались равнодушными к бурным событиям этого романтического времени. Они захотели подражать замечательным героям. Поэтому не только дочь городничего Дурова из маленького российского города Сарапула решила примерить на себя мужской костюм, мужские занятия, мужскую роль. В европейских странах у нее были, так сказать, сестры по духовному порыву.

Первой среди них можно назвать итальянку Франческу Сканагатти. Ей удалось поступить в военно-учебное заведение и успешно окончить его.

В 1794 году в семье сенатора из Милана Джузеппе Сканагатти произошло печальное событие. Его восемнадцатилетняя дочь красавица Франческа бежала из пансиона при католическом монастыре св. Софии, где воспитывалась с 12-летнего возраста. С ее решительным характером, с любовью к физическим упражнениям, верховой езде и фехтованию усидеть в обители было невозможно. Но отец не ожидал, что она совершит такой дерзкий поступок. Еще больше он удивился, получив вскоре письмо из Вены от кадета Австрийской военной академии Франческо Сканагатти. Оказалось, что его дочь переоделась в мужской костюм и выдержала экзамены в это учебное заведение.

Через три года Франческа окончила академию. Ей был присвоен чин младшего лейтенанта. Она получила направление на службу – в 6-й пехотный батальон австрийской армии. Затем она была переведена в 4-й батальон под командованием майора Дибира, находившийся в Польше. В 1799 году батальон совершил поход в Северную Италию и принял участие в боевых действиях против французских войск возле Генуи. Франческа отличилась в бою при деревне Барба-Джелата. Смело повела она своих солдат в атаку и, несмотря на

убийственный огонь вражеской артиллерии, выбила французов с их позиции. За этот подвиг Франческа Сканагатти была произведена в чин лейтенанта. Но в 1801 г. последовало разоблачение. Командование узнало, что лейтенант Сканагатти – женщина. Тем не менее в уважение ее заслуг Франческу уволили из армии с офицерской пенсией.

Она вернулась в дом отца и через год вышла замуж за подполковника австрийской армии Спини. Этот брак был удачным. Вместе с мужем Франческа побывала во многих военных походах, родила троих детей. Умерла она в возрасте 85 лет.

Карьеру кавалериста избрала для себя Эльзелина-Иоганна Удлан, родившаяся в Тоскане в 1778 году. Её мать была голландкой, отец – неизвестен, хотя впоследствии в своих мемуарах она называла его венгерским графом. Переодевшись в мужской костюм, Эльзелина поступила рядовым в 10-й Конно-егерский полк французской армии и совершила в его рядах несколько походов в 1807–1807 гг. В январе 1807 году она участвовала в знаменитом сражении при Пултуске, где была ранена пулей в ногу и саблей в руку.

Когда войны, бушевавшие в Европе, закончились, Эльзелина вышла замуж за голландского офицера и выпустила в Париже книгу о своих приключениях «Воспоминания г-жи Эльзелины ван Айльде-Енге, прозванной Идой Сан-Эльм». В этой книге смелая женщина рассказала немало интересного о службе легкой французской кавалерии, о боевом пути своего полка, его солдатах и офицерах, о полковнике Орденере, который командовал тогда конно-егерями.

Литературные способности Эльзелины-Иоганны были несомненными, и она с успехом выпустила потом еще две книги: «Воспоминания современницы о важнейших персонах Республики, Консульства и Империи» (Париж, 1827) и «Современница в Египте, на Мальте и в Алжире» (3 тома, Париж, 1831).

В 1792 году на военную службу во французскую армию была принята с чином лейтенанта Мария-Генриетта Хейникейн, молодая жительница города Берлина, состоявшая в гражданском браке с бригадным генералом Лотье-Ксантрайем. Она стала адъютантом своего мужа, служившего в Рейнской армии. Генриетта носила мундир, но ближайшее окружение генерала знало, что она – женщина.

Мария-Генриетта особенно отличилась в августе 1793 года. Она сумела доставить в штаб армии ценные депеши. При этом всю ночь скакала верхом на коне, переправлялась через реку, отстреливалась от погнавшихся за ней вражеских драгун. В конце 1793 года Мария-Генриетта покинула службу, но в 1801 году была принята на нее вновь с чином капитана. В мундире офицера она участвовала в военном параде в Париже в присутствии Наполеона, затем была направлена с секретной миссией в Египет на французском военном корабле.

При плавании через Средиземное море на них напали англичане. Произошло морское сражение с английским фрегатом. Победили французы, взяв этот фрегат на абордаж. Генриетта участвовала в рукопашной схватке наравне со всеми и, как все бойцы, получила призовые деньги, о чем есть запись в ее офицерском формуляре. Затем она вышла в отставку и с 1805 года получала пенсию от Военного министерства Франции.

Есть ее портрет и описание, сделанное при выдаче ей французского паспорта в 1798 году: «Мария-Генриетта, 25 лет, рост 165 см, волосы – светлые, глаза – голубые, лоб – высокий, подбородок – круглый». Фамилию она носила по мужу – Лотье-Ксантрай. Последний штрих к ее биографии: став отставным капитаном французской армии, Генриетта в виде исключения была принята во франкмасонскую ложу.

В 1812 году 26-летняя Луиза Мануе из Кельна, скрыв свой пол, поступила на прусскую военную службу. О ее тайне знали принц Вильгельм Прусский и его супруга. Они подарили молодой женщине, покинувшей мужа, верховую лошадь и помогли определиться

рядовым уланом в корпус генерала Блюхера. Луиза участвовала в сражениях при Бауцене, Ганау, Метце, вместе с союзными войсками вошла в Париж в марте 1814 года.

В боях она была несколько раз ранена, в сражении при Бель-Альянсе в 1815 году лишилась правой руки. Кончила службу в чине вахмистра и с наградами – Железным крестом и военной медалью.

Как военный инвалид, Луиза получала пенсию от правительства Пруссии. После войны она вновь устроила свою судьбу: вышла замуж за переплетчика Иоганна Кессениха, родила троих детей. Семья перебралась в Россию, в Санкт-Петербург. Здесь Луиза сначала держала танц-класс, а затем – кабачок на петергофской дороге. Умерла она в 1852 году.

В ряду этих амазонок из Европы русской героине Надежде Андреевне Дуровой, бесспорно, принадлежит выдающееся место. Во-первых, она была участницей трех Наполеоновских войн: в 1807 году – в Восточной Пруссии, в 1812-м – в России, в 1813–1814 гг. – в Польше и Германии. Во-вторых, она без перерыва прослужила в армии почти 10 лет: с марта 1807 года по март 1816-го. В-третьих, прошла по всем ступеням служебной лестницы: весной 1807 года – рядовой, осенью 1807-го – унтер-офицер, в декабре того же года произведена в офицерский чин корнета, в июне 1812-го – поручик, в марте 1816 года, при отставке, – штабс-ротмистр.

Первая документальная статья о Дуровой была опубликована еще при ее жизни в «Энциклопедическом лексиконе» (СПб., 1841, т. 17, с. 309). Там были изложены сведения о ее биографии, которые она сама пожелала сообщить публике. Составители справочника их проверять не стали. Так возникла версия, повторявшаяся затем без каких-либо изменений во многих, весьма серьезных изданиях. Это – статьи о ней в «Большой энциклопедии. Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знаний» (СПб., 1903, т. 8, с. 788), в «Военной энциклопедии» издательства И. Сытина (СПб., 1912, т. 9, с. 243), в «Большой советской энциклопедии» (М., 1972, т. 8, с. 545), в «Советской военной энциклопедии» (М., 1977, т. 3, с. 272).

В них говорилось, что Н. А. Дурова – дочь гусарского ротмистра, что она – «кавалерист-девица» (то есть замужем никогда не была), что родилась в 1790 году. К этим ее выдумкам, потом добавились и другие. Литераторы и кинематографисты украсили биографию первой женщины-офицера разными удивительными «фактами». Например, огромной популярностью пользовалась пьеса А. Гладкова «Давным-давно» (1942 г.) и снятый по ней художественный фильм «Гусарская баллада»(1962 г.). С успехом в 40-х и 50-х гг. на сцене Театра имени Моссовета шла пьеса К. Липскерова и А. Кочеткова «Надежда Дурова». В ней блистала несравненная Вера Марецкая (кстати говоря, внешне очень похожая на «кавалерист-девицу»). За эту роль актриса удостоилась Сталинской премии. В жанре художественной прозы выступили Д. Мордовцев с романом «Двенадцатый год» (1902, СПб), Л. Чарская с повестью «Смелая жизнь» (1913, СПб), Н. Кальма с повестью «Кавалерист-девица» (1969, М.). Целую восторженную поэму посвятил подвигу Дуровой А. Скрипицын (1912, М.).

Какими бы увлекательными ни были эти сюжеты, надо сказать, что легендарная героиня Отечественной войны 1812 года вполне достойна правдивого рассказа. Документы, найденные в нескольких архивах, помогут разрешить те загадки, которые Надежда Андреевна решила загадать своим современникам.

Дворяне Дуровы

> Мать моя, урожденная АЛЕКСАНДРОВИЧЕВА, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии. В конце пятнадцатого года ее от рождения женихи толпою предстали искать руки ее. Из всего их множества сердце матери моей отдавало преимущество гусарскому ротмистру Дурову; но, к несчастию, выбор этот не был выбором отца ее, гордого властолюбивого пана малороссийского. Он сказал матери моей, чтоб она выбросила из головы химерическую мысль выйти замуж за МОСКАЛЯ, а особливо военного. Дед мой был величайший деспот в своем семействе; если он что приказывал, надобно было слепо повиноваться, и не было никакой возможности ни умилостивить его, ни переменить однажды принятого им намерения. Следствием этой неумеренной строгости было то, что одну бурную ночь мать моя, спавшая в одной комнате со старшею сестрою своей, встала тихонько с постели, оделась и, взяв салоп и капор, в одних чулках, утаивая дыхание, прокралась мимо сестриной кровати, отворила тихо двери в залу, тихо затворила, проворно пробежала ее и, отворяя дверь в сад, как стрела полетела по длинной каштановой аллее, оканчивающейся у самой калитки. Мать моя поспешно отпирает эту маленькую дверь и бросается в объятия ротмистра, ожидавшего ее с коляскою, запряженною четырьмя сильными лошадьми… В первом селе они обвенчались и поехали прямо в Киев, где квартировал полк Дурова…
> *Н. Дурова. «Кавалерист-девица. Происшествие в России»*

Таким романтическим рассказом начала Надежда Андреевна Дурова повествование о своей необычной, многотрудной и долгой жизни. Все персонажи этого рассказа, их отношения друг с другом описаны здесь коротко, четко и ясно. Сюжет выстраивается сразу, буквально с первых предложений. В нем есть все, что может увлечь читателя, обещая ему бурные перипетии, сильные страсти и неожиданную развязку истории. На первом плане находится юная, прелестная и своенравная героиня: «Мать моя, урожденная АЛЕКСАНДРОВИЧЕВА, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии». Герой, которого она обожает, одет в роскошный мундир гусарского офицера и наделен всевозможными достоинствами: «…отца моего, бывшего прекраснейшим мужчиною, имевшего кроткий нрав и пленительное обращение…». Как водится, соединению двух любящих сердец мешают действия третьего, весьма зловредного персонажа: «…но, к несчастию, выбор этот не был выбором отца ее, гордого властолюбивого пана малороссийского».

Однако, надо заметить, все это очень напоминает пушкинскую «Метель», которая вышла в свет в октябре 1831 года, как раз в то время, когда Надежда Андреевна уже работала над своей книгой «Кавалерист-девица. Происшествие в России». Только у Пушкина героиня постарше: «…дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу»; ее возлюбленный попроще: «бедный армейский прапорщик»; а родители девушки действуют сообща: «заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя».

Дурова не сообщает, кто придумал побег из отцовского дома и тайное венчание: «гусарский ротмистр Дуров» или «прекраснейшая девица в Малороссии». У Пушкина же инициатива исходит от молодого человека, а добродетельная Марья Гавриловна долго колеблется, не решаясь на безумный поступок. Шутка ли: пойти против воли родителей?

Великий русский поэт завершает свое произведение радостным финалом. Героиню ожидает чудо. Она все-таки встречает человека, который венчался с нею в церкви в ту ужасную ночь после метели. Он влюбляется в нее и делает ей предложение руки и сердца. Нечто похожее на чудо происходит и с «прекраснейшей девицей в Малороссии». В 16 лет она рожает «дочь-богатыря», после этого ее отец снимает с молодых супругов свое проклятие, приглашает их к себе и – что очень важно – вручает зятю приданое, приготовленное для дочери.

Вот канва событий, изложенных Н. А. Дуровой в ее произведении. Только архивные документы, дошедшие до наших дней, позволяют внести в этот интересный сюжет некоторые уточнения. Прежде всего, надо сказать, что отец «кавалерист-девицы» Андрей Васильевич Дуров никогда в гусарах не служил.

Конечно, слова о покорившем сердце юной красавицы гусарском ротмистре придают рассказу некий романтический флер, но, увы, они являются всего лишь авторским вымыслом. В 1781–1782 гг., когда, вероятно, и произошло знакомство А. В. Дурова с семейством Александровичей, он был капитаном и командовал ротой в Белевском пехотном полку. Его форменная одежда состояла из скромного пехотного зеленого кафтана с красными лацканами на груди.

Биографию Андрея Васильевича можно описать совершенно точно по трем его послужным (формулярным) спискам, которые датируются 1786, 1807 и 1825 гг. Последний находится в государственном архиве Кировской области и сообщает следующее:

«…сарапульский Городничий Коллежский советник (чин 6-го класса, равный полковнику армии. – *Прим. авт.)* Андрей Васильев Дуров, из российских дворян, 49 лет… имеет во владении за собою крестьян мужска пола 10 душ… в службу вступил 1767-го Ноября 5-го во Владимирский пехотный полк сержантом; чинами происходил: 1770-го Сентября 10-го – прапорщиком, подпорутчиком – 1772-го Генваря 1-го, порутчиком – 1776-го Декабря 25-го в Белевском пехотном полку; дан чин капитана 1781-го Генваря 1-го; ротмистром 1787-го Марта 8-го в Полтавском легкоконном полку; из оного выбыл в отставку с награждениемс чина секунд-майора 1788-го Июня 31-го; 1789-го Октября 5-го определен правительствующим Сенатом в город Сарапул городничим…»

К этому надо добавить, что тогда гусарских полков в Российской императорской армии вообще не существовало. Их упразднил в ходе своей реформы в 1783–1786 гг. светлейших князь Потемкин-Таврический. В целях экономии государственного бюджета он заменил красивые гусарские мундиры на простые синие куртки и красные шаровары, присвоенные легкоконным полкам. Кроме того, судя по формулярному списку, ротмистр Дуров прослужил в кавалерии лишь год и три месяца.

Так что «прекраснейшую девицу в Малороссии», видимо, прельстило нечто другое. Скорее всего – желание избавиться от тиранической власти отца. Он действительно был богатым и знатным человеком. Ему принадлежало большое поместье «Великая круча», расположенное в Полтавской губернии на берегу реки Удай, в семи верстах от города Пирятина. В восьмой части «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (лист 138-й) описан герб древней фамилии Александровичей: на щите, разделенном диагонально на две части, на пурпурном поле – серебряная стрела, летящая вниз, на голубом поле – золотой крест на красном сердце, на верху креста – птица.

Однако не все просто и ясно с дворянством Андрея Васильевича Дурова.

Столь же полных сведений о нем не имеется. В нескольких публикациях лишь отмечено, что, видимо, этот род ведет свое начало от польских шляхтичей Туровских, служивших в середине XVII века в гарнизоне города Смоленска. Затем Туровские получили землю в окрестностях города Уфы. По межевым актам XVII столетия здесь значится обширная территория, имевшая название «Турово поле». Это и были владения Дуровых, так как польская

фамилия претерпела в России изменения. Сначала ее стали писать как «Туровы», затем, в XVIII веке, – «Дуровы». Родственники А. В. Дурова жили в Уфе и в начале XIX столетия. Согласно «Ведомости о состоящих в Вятской губернии помещичьих крестьянах и дворовых людях» от 1812 года в Яранском уезде проживали: помещица Надежда Дурова в деревне Ахмановой (у нее было 16 крепостных), помещица девица Варвара Дурова (19 крепостных), помещица девица Софья Дурова в починке Терехине (17 крепостных), коллежский асессор Дмитрий Дуров в починке Гаврилове (13 крепостных), полковница Мария Дурова в деревне Шимелово (66 крепостных).

Но Андрей Васильевич Дуров среди владельцев деревень и крепостных крестьян ни в одном из десяти уездов Вятской губернии не значится. Может быть, Дуровы, проживавшие в Яранском уезде, приходились ему не просто однофамильцами, а родственниками. Однако степень их родства не установлена. Точно так же не установлены имена, даты жизни и место жительства его родителей, то есть деда и бабки Надежды Андреевны со стороны отца.

Она вообще ни разу не упомянула о родне и предках Дуровых в своей книге, и это очень странно, потому что воспитание детей в дворянских семьях начиналось с того, они учили свою родословную и должны были знать всех предков, особенно по мужской линии. В произведении «кавалерист-девица» рассказала лишь о младшем брате Андрея Васильевича – Николае Дурове. Он сыграл определенную роль в судьбе героини. Познакомившись с ним лично в декабре 1807 года, Надежда Андреевна впоследствии поддерживала это знакомство и останавливалась в его квартире во время приездов в столицу в 1811, 1816, 1817–1818 гг. Кроме Николая Васильевича, у А. В. Дурова был еще один брат – Иван Васильевич, который в 1803 году служил на военной службе и имел чин подпоручика.

Все три брата поименованы в «Грамоте Екатеринославского дворянского собрания о дворянстве Дуровых», выданной 13 апреля 1803 года. Об этом документе упоминает Надежда Андреевна в своей книге.

Но эта грамота вызывает много сомнений.

Дело в том, что в 1842 году младший брат Дуровой Василий Андреевич, занимавший должность городничего в Сарапуле после отставки отца, обратился в Екатеринославское Дворянское собрание с ходатайством о внесении его вместе с женой и детьми в родословную книгу, объясняя это тем, что его отец, коллежский советник Андрей Васильевич Дуров, вместе с двумя своими братьями состоял в дворянах Екатеринославской губернии и был внесен в первую часть книги местных дворянских родов под номером 17, что зафиксировано в «Грамоте о дворянстве» от 13 апреля 1803 года. Из Екатеринославля Андрею Васильевичу ответили, что при проверке первой части родословной книги никаких записей о Дуровых там не обнаружено и потому Дворянское собрание Екатеринославской губернии внести его в книгу не может, равно как и выдать ему соответствующий аттестат.

В 1848 году А. В. Дуров послал аналогичное ходатайство уже в правительствующий Сенат, в Департамент Герольдии. Он просил о приписке его с семьей к дворянству на том основании, что его предки Дуровы состояли в дворянском достоинстве свыше ста лет. Но и здесь он получил отказ, так как представленные им документы сочли недостаточными.

В дворянскую родословную книгу Казанской губернии был внесен лишь старший сын Василия Дурова – Андрей Васильевич Дуров (1833—?). Запись о нем сделана в первом томе третьей части, как человека, «приобретшего дворянство на службе гражданской, а равно получившего права потомственного дворянства чрез пожалование одним из присвояющих сие достоинство Российских орденов».

История о дворянстве Андрея Васильевича Дурова и, соответственно, его знаменитой дочери Надежды Андреевны, а также его сына Василия Андреевича, хорошо знакомого с Пушкиным, может быть рассмотрена и в наши дни. Все родословные книги дворян Екатеринославской губернии с записями, сделанными в течение 1798–1813 гг., хранятся в Госу-

дарственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Упоминания о братьях Дуровых в них действительно нет. При сверке документов обращает на себя внимание тот факт, что фамилии лиц, подписавших их, не совпадают с фамилиями, поставленными на «Грамоте о дворянстве», выданной Дуровым в то же самое время.

Был ли лично Андрей Васильевич Дуров дворянином?

Да, был. По всем законам Российской империи он дважды достигал членства в заветном сословии: на военной службе, дойдя до чина капитана, и на гражданской службе, дойдя до чина 6-го класса (коллежский советник). Но тогда в большой цене было не личное дворянство, а ПОТОМСТВЕННОЕ. Его можно было установить только с помощью «Грамоты о дворянстве», выдаваемой дворянскими собраниями в губерниях.

По какой-то причине братья Дуровы этого документа не имели. А он требовался для лучшего продвижения по службе. Поэтому они, скорее всего, купили его у чиновников, имевших доступ к печати Дворянского собрания Екатеринославской губернии. Но эти люди обманули Дуровых. Они продали им только заполненный бланк с печатью и фальшивыми подписями, но не внесли соответствующую запись в родословную книгу, без которой «Грамота о дворянстве» становилась подделкой. Обман вскрылся лишь в 1842 году, когда Василий Андреевич пожелал воспользоваться правами потомственного дворянина и внести в родословную книгу Екатеринославской губернии своих детей.

Таким образом обстоит дело с Дуровым «уфимским, пермским и сарапульским», общественный интерес к которому вызвали смелые деяния его старшей дочери. Однако, кроме них, в России существовали и другие дворянские роды Дуровых, в действительности имевшие и многовековую историю, и крепостных крестьян, и наследственные поместья в разных губерниях: Московской, Санкт-Петербургской, Владимирской.

К наиболее древнему роду относились Дуровы из Московской губернии, упоминавшиеся в смотровых книгах Разрядного приказа с середины XVI века. У них был и дворянский герб: «Дуровы имеют в своем гербе изображение летящего в золотом поле черного одноглавого орла, который держит клювом за голову, а лапами за середину змея с красными крыльями, обернутого в правую сторону» (А. Лакиер. Русская геральдика. СПб., 1855, т. II, часть 4-я, с. 574). Один из московских Дуровых, Захар Захарович (? —1889 гг.), сначала окончил военно-учебное заведение, а потом – Московскую консерваторию. Он стал преподавателем истории русского церковного пения в Санкт-Петербургской консерватории и издал фундаментальный труд «Общий очерк истории музыки в России».

Поскольку в России признавали потомственное дворянство только по мужской линии, то наследником фамилии выступает один Василий Андреевич Дуров, младший брат героини. Его потомство и следует рассматривать в качестве продолжателей этого рода. В 1833 году, будучи городничим в Елабуге, он посватался к Александре Михайловне Коротковой, которая была дочерью командира инвалидной команды города Сарапула капитана Короткова, выслужившегося в офицеры из нижних чинов. Обвенчались молодые в Казани.

У Василия и Александры Дуровых было четверо детей: два сына и две дочери. Старший сын Андрей родился в ноябре 1833 года, старшая дочь Вера – в сентябре 1836 года, второй сын Николай – в августе 1839 года и вторая дочь Александра – в марте 1844 года. Все они были племянниками и племянницами Надежды Андреевны, в воспитании которых она принимала участие, поскольку некоторое время жила вместе с семьей брата в Сарапуле.

В настоящее время все потомки Василия Дурова проживают во Франции. Они – граждане Французской республики. Многие из них не владеют русским языком. По приглашению дирекции Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника они неоднократно посещали город Елабугу и передали несколько семейных реликвий музею-усадьбе Н. А. Дуровой, который находится в этом городе.

Детство и отрочество Надежды Дуровой

> С этого достопамятного дня жизни моей отец вверил меня промыслу Божию и смотрению флангового гусара АСТАХОВА, находившемуся неотлучно при батюшке, как на квартире, так и в походе. Я только ночью была в комнате матери моей; но как только батюшка вставал и уходил, тотчас уносили меня. Воспитатель мой Астахов по целым дням носил меня на руках, ходил со мною на эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал поиграть пистолетом, махал саблею, и я хлопала руками и хохотала при виде сыплющихся искр и блестящей стали; вечером он приносил меня к музыкантам, игравшим пред зорею разные штучки; я слушала и, наконец, засыпала.
>
> …Взяв меня из рук Астахова, мать моя не могла уже ни одной минуты быть ни покойна, ни весела; всякий день я сердила ее странными выходками и рыцарским духом своим; я знала твердо все командные слова, любила до безумия лошадей. И когда матушка хотела заставить меня вязать шнурок, то я с плачем просила, чтоб она дала мне пистолет, как я говорила, пощелкать; одним словом, я воспользовалась как нельзя лучше воспитанием, данным мне Астаховым! С каждым днем воинственные мои наклонности усиливались, и с каждым днем более мать не любила меня. Я ничего не забыла из того, чему научилась, находясь беспрестанно с гусарами; бегала и скакала по горнице во всех направлениях, кричала во весь голос: «Эскадрон! Направо заезжай! С места марш-марш!» Тетки мои хохотали, а матушка, которую все это приводило в отчаяние, не знала границ своей досаде, брала меня в свою горницу, ставила в угол и бранью и угрозами заставляла горько плакать…
>
> *Н. Дурова. «Кавалерист-девица. Происшествие в России».*

В 80-е гг. XVIII столетия в Российской императорской армии насчитывалось 13 легкоконных полков. По штатному расписанию они имели шесть эскадронов в каждом: 35 офицеров, 72 унтер-офицера, 828 рядовых, 12 трубачей и 2 литаврщика, 33 мастеровых, 31 нестроевого и 30 извозщиков. Всего в эскадроне – 159 человек и 151 строевая лошадь, в полку – 1105 человек, 907 строевых лошадей. На вооружении в легкоконных полках состояли сабли, пистолеты (каждому строевому чину – по паре, при седле в ольстрах) и карабины (только у рядовых).

Одеты легкоконники были в короткие куртки из синего сукна с красными отложными воротниками, обшлагами и лацканами на груди и красные шаровары поверх сапог с привинтными шпорами, на головах – каски, сделанные из поярка, с козырьками спереди и гребнями из белой шерсти наверху. Летом нижние чины надевали вместо суконных курток и штанов вещи того же покроя, но из белого фламского полотна. Зимой – белый суконный плащ.

Такую форменную одежду имел «фланговый гусар Астахов», то есть тот солдат Полтавского легкоконного полка, которому и было, вероятно, поручено в 1787–1788 гг. смотреть за малолетней дочерью ротмистра Дурова. Как видно из описания, Надежда Андреевна сохранила к своему «усатому няню» самые теплые чувства на всю жизнь.

В ту эпоху Россия вела войны с поляками, шведами, крымскими татарами, турками. Армия ее совершала тысячеверстные походы и смело вступала в столкновения с неприятелем, добиваясь побед смелостью солдат, выучкой офицеров, талантом генералов. Потому боевой подготовке войск, и легкой кавалерии в частности, уделяли большое внмание. Так,

фельдмаршал светлейший князь Потемкин-Таврический в приказе от 27 января 1789 года написал: «Господа полковые командиры должны употребить все старание поставить свои полки соответственно званию легкоконных… Иметь о людях большее попечение, нежели о лошадях, и для того меньше мучить чишением лошадей, ибо не в сем состоит краса полка, но в приведении его в исправность, нужную к бою…»

«Исправность, нужная к бою» достигалась тогда на общих полковых и эскадронных учениях, которые проводились летом, когда конница выходила в лагеря на шесть-восемь недель. Весной, осенью и зимой полки стояли по квартирам в городах и селах. На постое, как правило, занимались только одиночными. учениями. Судя по рассказу «кавалерист-девицы», она наблюдала именно общие полковые и эскадронные учения, что имело место лишь в лагерях. В лагерь она могла попасть только два раза: летом 1787 и 1788 гг., когда ей было сперва четыре года, потом – пять лет.

Офицерам разрешалось брать своих детей в военные лагеря, и об этом свидетельствует гусар, поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов (1784–1839 гг.) в рассказе «Встреча с великим Суворовым. 1793»: «С семилетнего возраста моего я жил под солдатской палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком, – об этом где-то уже было сказано. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска. Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря?..»

По случайному совпадению отец Д. В. Давыдова в 1793–1796 гг. командовал тем же Полтавским легкоконным полком, в котором пятью годами раньше служил отец Н. А. Дуровой. Эта воинская часть появилась в 1784 году. До этого времени полк был казачьим, иррегулярным. Для того, чтобы быстрее обучить казаков правилам постоянной военной службы, в полк переводили офицеров регулярной армии. Одним из таких откомандированных и был капитан Белевского пехотного полка А. В. Дуров.

Полтавский легкоконный полк участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. (осада Очакова). При воцарении императора Павла I его расформировали. Ротмистр Дуров покинул эту воинскую часть гораздо раньше, еще до похода к Очакову. Его опыт службы в кавалерии был сугубо мирным. Но жизнь в лагере Полтавского легкоконного полка, пусть даже краткая, оставила глубокий след в душе Надежды Дуровой. Эти впечатления, полученные в раннем детстве, определили сферу ее интересов на всю дальнейшую жизнь.

Денис Давыдов справедливо писал: «Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря?» Надя была таким же резвым ребенком, как и будущий герой жестоких битв с французми, ее погодок.

Похоже, она была запрограммирована на постоянное движение. Необузданная энергия толкала ее на разные шалости. Вот перечень ее детских забав, описанных в книге: в лесу «влезала на тоненькие березки и, схватись за верхушку руками, соскакивала вниз, и молодое деревце легонько ставило меня на землю!», «…Разбегалась с горы и перескакивала кусты вереса, по нескольку, один за другим. Подруги мои не могли и подумать сравниться со мною в этом удальстве. Чтоб позабавиться их страхом, я прибегала на самый край стремнины, становилась на нем одною ногою, держа другую на воздухе…»;

«…случалось мне иногда находить змею, на которую я в ту же секунду наступала ногою, наклонялась, брала ее осторожно рукою за шею, близ самой головы, и держала, но не так крепко, чтоб она задохлась, и не так слабо, чтоб могла выскочить. С этим завидным приобретением я возвращалась в комнаты бабушки и когда ее не было дома, то бегала за ГАПКОЮ, ХИВРЕЮ, МАРТОЮ и еще несколькими, таких же странных имен, девками, которые все были гораздо старше меня, но с неистовым воплем старались укрыться куда попало от протянутой вперед руки моей, в которой рисовалась черная змея…»

«…Посчастливилось мне найти на улице гусарскую круглую пуговицу (то есть полую внутри. – *А. Б.*), и первая мысль моя была начинить ее порохом и бросить в печь к старой Прасковье, готовившей обед для людей. Я не могла не знать, что порох вспыхивает в секунду, итак, чтоб это свойство его не лишило меня удовольствия видеть испуг и удивление старой поварихи, я растерла порох с каплею воды и, смешав мокрый с сухим, хотя с большим трудом, но успела, однако ж, начинить пуговицу плотно до самого отверстия… но успех превзошел мое ожидание… Через минуту после того, как я бросила пуговицу в печь, она вылетела из нее со свистом, летала по избе, щелкала по стенам и наконец лопнула близ моей головы и взрыла мне кожу на самой ее верхушке; капли крови вмиг разбрызнулись по всем локонам. Я, однако ж, не вскрикнула, но поспешно убежала в свою горницу и заперлась…».

С немалой долей самоиронии рассказывает Надежда Андреевна в книге о своих детских «подвигах». Часто вторым по значению персонажем в этих историях выступает ее мать. Но воспоминания о ней полны горечи и неприязни. Если отец смотрел на выходки Нади сквозь пальцы, то мать не прощала старшей дочери шалости и проказы и пыталась наказаниями исправить ее буйный нрав. Результат при этом оказывался прямо противоположным.

«Хотя я чрезвычайно боялась моей матери, – пишет «кавалерист-девица», – но непомерная резвость одолевала меня и увлекала вопреки страха наказания; мне кажется, я вымышляла разные глупости невольно, par fatalite…» (франц.: «фатально, по воле рока»).

Однако порою трудно осуждать Анастасию Ивановну Дурову, урожденную Александрович, в возрасте 22-х лет ставшую хозяйкой дома градоначальника в Сарапуле. В это время (с 1789 по 1796 г.) она имела пять беременностей и рожала каждый год-полтора. Дети ее умирали во младенчестве. Из пяти дочерей выжила лишь Клеопатра, рожденная в октябре 1791 года, и Евгения, рожденная в мае 1801 года. Частые роды подорвали ее здоровье: «Мать моя постепенно угасала: ее чудная красота от всего, что имела в себе чарующего, сохранила одну только необычайную белизну лица и томность прекрасных глаз. Теперь она была ничем более, как тенью той красавицы Дуровой, которою некогда все восхищались…»

Чтобы подлечиться, она уехала к отцу на Украину, и тут удар ей нанес Андрей Васильевич. В отсутствие жены он завел себе любовницу: «взял на содержание прекрасную девочку, дочь одного мещанина». Вернувшись в Сарапул, Анастасия Ивановна узнала об этом случайно, и жестокие муки ревности отравили ей жизнь. Правда, Дуров покаялся. Супруги помирились, и результатом примирения стало рождение еще двоих детей: долгожданного наследника – сына Василия в январе и дочери Евгении. Болезнь после этого прогрессировала. Анастасия Ивановна ездила на лечение в Вятку к известному тогда врачевателю и лекарю Аппелю и в Пермь к доктору Гралю. Возможно, теперь болезнь мешала ей исполнять супружеские обязанности.

«Батюшка переходил от одной привязанности к другой, – пишет «кавалерист-девица», – и никогда уже более не возвращался к матери моей!..» Умерла А. И. Дурова в имении своего отца летом 1807 года в возрасте 40 лет.

В завершение истории «гусарского ротмистра Дурова» и «урожденной Александровичевой, одной из прекраснейших девиц в Малороссии» надо сказать, что после ее смерти Андрей Васильевич горевал недолго. В 1808 году он сочетался законным браком с 17-летней девицей Евгенией, дочерью своих крепостных Степана и Марины Васильевых. Через год она родила ему дочь Елизавету, которая от рождения была глухонемой. Само собой разумеется, что в книге Надежды Андреевны нет об этом ни слова. Но метрические записи Вознесенского собора в Сарапуле подтверждают данный факт…

Полагают, что название города Сарапул произошло от слияния двух чувашских слов: «сара» – желтая, и «пуль» – рыба. Сначала на этом месте располагалось большое торговое село Вознесенское, возникшее в начале XVIII века. «Новый полный географический словарь Российского государства», изданный в Москве в 1789 году, сообщает о Сарапуле: «Сей

город был построен в 1707 году, в пору тогдашнего башкирского бунта. В городе две церкви деревянные и немного обывательских домов. Большая же часть поселян живет под горой, на берегу Камы, имею они пропитание от земледелия и от приходящих судов по Каме с дровами, солью и железом. Есть также нефтяные и мыльные заводы». Согласно переписи 1780 года в Сарапуле имелось 533 дома и 3 церкви: две каменные и одна деревянная. В городе проживали 128 купцов, 51 мещанин и 1047 дворцовых крестьян (считали только мужчин).

В 1781 году был утвержден план регулярной застройки города. По этому плану три прямые улицы шли параллельно реке Каме и десять улиц – перпендикулярно к ней. Первым каменным строением в городе стал Вознесенский собор – пятиглавый, с полукруглой апсидой и отдельно стоящей высокой колокольней.

А. В. Дуров был вторым по счету градоначальником Сарапула. Семья Андрея Васильевича жила недалеко от реки Юрманки, впадавшей в Каму, на пересечении улиц Большая Покровская и Владимирская (совр. ул. Труда и ул. Седельникова). После 1812 года центр города подвергся значительной перестройке. Был расширен Вознесенский собор, под ним возведены торговые ряды из камня. Вокруг Соборной площади расположились здания окружного суда и других присутственных мест, а также каменный особняк городничего и дома других уездных чиновников. До нашего времени этот особняк не сохранился. Есть лишь стела с надписью, удостоверяющей, что Дурова жила здесь в конце XVIII – начале XIX века.

Как выглядел дом, в котором прошло детство и отрочество «кавалерист-девицы», теперь установить невозможно. В своей книге Надежда Андреевна не оставила никаких подробных описаний этого здания. Она рассказала лишь о том, что к дому примыкал большой сад, в котором стоял летний домик на два этажа и с верандой. Кроме того, имелись огород и хозяйственные постройки: конюшня, сараи, скотный двор. Усадьба городничего была обнесена забором.

Каким было финансовое положение семьи Дуровых в это время?

Денежное содержание градоначальника, коллежского советника достигало 300 рублей в год. Это была не очень большая сумма. Полковнику армии платили 900 рублей в год. На иждивении же Андрея Васильевича находилось пять человек: жена и четверо детей. В формулярном списке Дурова за 1786 год говорится о 12 крепостных крестьянах «мужска пола», принадлежавших ему в Путивльском уезде. В исповедных росписях Вознесенского собора за 1797 год перечислены по именам и фамилиям 12 дворовых людей (вместе с женами и детьми) городничего. В его формулярном списке за 1825 год указаны «мужска пола 10 душ в городе Сарапуле, написанных при доме». Все это означает, что Дуровы относились к беднейшему слою российского дворянства, представители которого были вынуждены служить, и только служба, военная или гражданская, давала им средства на жизнь.

С финансами семьи связан и вопрос об образовании, которое в детстве могла получить Надежда Андреевна. В сентябре 1790 года в Сарапуле открыли первое малое народное училище на два класса (25 учеников) с одним учителем. Программа обучения примерно соответствовала нынешней программе начальной школы. Но девочек в училище не брали. Жители Сарапула, желавшие научить своих дочерей грамоте и счету, должны были приглашать учителя на дом для частных уроков.

Дворянское образование было другим. К концу XVIII столетия в него уже входили такие предметы, как алгебра, геометрия и тригонометрия, история, география, два-три иностранных языка, рисование. В частности, в программе Сухопутного шляхетского корпуса в Санкт-Петербурге особое место занимали так называемые шляхетские искусства: верховая езда, фехтование и танцы. Женское дворянское образование имело свою специфику. Очень часто из него исключали точные науки, а упор делали на гуманитарные. Кроме того, девочек обязательно обучали разным видам рукоделия.

«Мой дядя не жалел денег на учителей, – пишет в своих мемуарах княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова (1743–1819 гг.), – и мы по своему времени получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бехтеев, у нас были изысканные и любезные манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанных девиц…*

Юность Екатерины Романовны пришлась на середину XVIII века. Семья Воронцовых была приближена к царскому двору, жила в столице, где возможность найти хороших учителей была гораздо выше, чем в провинции, и все это, безусловно, наложило отпечаток на ее воспитание и образование, которым она сама, однако, была недовольна: «Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровным счетом ничего… только благодаря случайности – кори, которою я заболела, – мое воспитание было закончено надлежащим образом и сделало из меня ту женщину, которою я стала впоследствии… Когда глаза мои выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер… Иногда я просиживала за чтением целые ночи напролет…»

О женском образовании в конце XVIII – начале XIX века рассказывает К. Д. Кавелин в очерке «Авдотья Петровна Елагина». А. П. Елагина, урожденная Юшкова (1789–1877 гг.), происходила из дворян Тульской губернии. С 1821 по 1835 год она держала в Москве литературный салон, в котором бывали Пушкин, Кюхельбекер, Веневитинов, Баратынский, Языков, Погодин, Шевырев и другие.

«Первоначальное воспитание Авдотьи Петровны было ведено очень тщательно, – пишет Кавелин. – Гувернантки при ней были эмигрантки из Франции времен революции, женщины, получившие по-тогдашнему большое образование… С немецким языком и литературой Авдотья Петровна познакомилась чрез учительниц, дававших ей уроки, и В. А. Жуковского, ее побочного дядю, который воспитывался с нею, был ее другом и, будучи старше ее семью годами, был вместе ее наставником и руководителем в занятиях. Русскому языку ее учил Филат Гаврилович Покровский, человек очень знающий и написавший много статей о Белевском уезде, напечатанных в «Политическом журнале…».

Надежда Дурова в возрасте 14 лет. Неизвестный художник. Конец XVIII в.

Читал ли кто-нибудь серьезные книги с юной дочерью сарапульского городничего – неизвестно. Во всяком случае Дурова, подробно описав свои детские шалости, ничего не сообщает ни об учебе, ни об учителях. Зато в двух формулярных списках «товарища» Польского конного полка Соколова за 1807 год и поручика Литовского уланского полка Александрова за 1815 год коротко сказано: «по-российски читать и писать умеет».

Любовь к рукоделию ей пыталась прививать мать. Хотя Дурова писала, что не имеет «ни охоты, ни способностей к этим упражнениям», на самом деле она неплохо вышивала.

В полковом музее 5-го уланского Литовского полка, находившегося в Симбирске и уничтоженного после 1917 года, хранились вещи, сделанные ею: скатерть с портретом Наполеона, вышитым гладью, а также кошелек, сплетенный из бисера.

Среди эпистолярного наследия Дуровой есть одно письмо, полностью написанное по-французски. Отдельные французские слова и фразы встречаются в других ее письмах. В книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России» приведено четверостишие на языке оригинала из пьесы французского драматурга XVII века Жана Расина «Федра». Кроме французского языка, она еще знала польский, могла читать, писать и говорить по-польски, но выучила его позднее, во время службы в конном Польском полку. В произведениях Надежды Андреевны есть множество ссылок на мифы Древней Греции. Она упоминает разных персонажей из истории Древнего мира и средневековой Европы. Судя по всему, очень хорошо знала она западно-европейскую и русскую литературу как современную ей, так и книги более ранних эпох. В годы молодости ее любимым поэтом был Василий Андреевич Жуковский (1783–1852 гг.), с которым она впоследствии познакомилась лично и часто бывала в его доме в Санкт-Петербурге, когда приезжала туда в 1817–1821 гг. и в 1836–1841 гг. Также была она восторженной поклонницей творчества Александра Сергеевича Пушкина и помнила наизусть множество его стихотворений.

О том, что «кавалерист-девица» отлично танцевала, пишет в своих мемуарах генерал-майор М. М. Ребелинский, встречавшийся с ней в Уфе в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX столетия:

«В то время, когда я… с нею познакомился, ей было уже лет 45, но она была здорова, весела и не отказывалась ни от каких удовольствий и на вечерах, как говорится, плясала до упаду. В манерах ее проглядывало ухарство – принадлежность всех кавалеристов того времени. В отставном гусарском мундире или в черном фраке она страшно стучала каблуками в мазурке, лихо становилась на колено и выделывала всякие другие штучки во вкусе лучших танцоров Александровской эпохи…».

Мазурка действительно была очень модным танцем на балах начала XIX века.

Об этом сообщает и Д. В. Давыдов: «В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк… Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду».

Но есть одно занятие, которому Дурову научил ее отец и которое оказало самое решительное влияние на ее необычный поступок. Это – верховая езда. Хотел того или нет, однако Андрей Васильевич сам подготовил дочь к армейской карьере, объяснив ей правила строевой езды, позволив пользоваться не женским, а мужским седлом, подарив купленного им жеребца по кличке Алкид. Объезжен он был плохо, по характеру зол и нетерпелив, но Надежда употребила все старания, чтобы приручить это животное. Замысел удался, и Алкид сделался единственным другом русской амазонки:

«Я побежала к Алкиду, обняла его шею, положила голову на гриву, и ручьи слез брызгами скатывались с нее к его копытам. Добрая лошадь круто поворачивала голову свою, чтоб приблизить морду к моему лицу; она нюхала меня с каким-то беспокойством, била копытом в землю, опять приставляла морду свою к моей голове и трогала верхнею губою мои волосы и щеки; ржала тихонько и наконец стала лизать мне все лицо!.. Видимое беспокойство моего коня, моего будущего товарища, утишило печаль мою, я перестала плакать и стала ласкать и гладить Алкида, целовать его морду и говорить с ним, как то я делала с первого дня, как только батюшка купил его».

Надежда Андреевна называет Алкида «черкесским жеребцом». Иногда встречается и другое написание этого слова: «черкасские лошади». По некоторым данным, эта порода была широко распространена на Украине, на юге России (Новороссийская губерния), на Кав-

казе в XVIII–XIX вв. Она возникла в процессе многовекового скрещивания местных южнорусских пород с восточными лошадьми, которых добывали в военных походах в Турцию украинские и русские казаки. В XIX веке поголовье черкесских лошадей было весьма значительным. Их выращивали на конных заводах в Херсонской и Таврической губерниях, на Кубани для пополнения конского состава русской легкой кавалерии (гусарские, уланские и казачьи полки). В начале XX века эта порода как самостоятельная уже исчезла.

Но представить себе, как выглядел Алкид, верный спутник «кавалерист-девицы», можно по описанию специалистов-коневодов, видевших последних черкесских лошадей в 1920–1925 гг. (Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991, с. 222). Они были невысокого роста – до 150 см в холке – и имели небольшую, пропорциональную голову, сухую и прямую, выразительные глаза, прямую шею, широкую грудь, длинную холку, круглый круп, сухие и правильно поставленные ноги, копыта иногда «стаканчиком», небольшую и негустую гриву и хвост. «Эти животные сильны, резвы, энергичны, цепки на горах, осторожны и имеют поразительную способность запоминать и ориентироваться на местности; слух их и обоняние не менее удивительны. Легко ходят некованными, бывают привязаны к хозяину, очень выносливы и могут без корма долго идти под седлом».

Лошади имеют свои характеры, и характер Алкида Надежда Андреевна описала: «злой», «неукротимый», «неприступный». Он плохо подчинялся конюху Дуровых Ефиму, но привязался к юной наезднице, которая «решилась употребить все, чтобы приучить его к себе, и успела; я давала ему хлеб, сахар, соль; брала тихонько овес у кучера и насыпала в ясли; гладила его, ласкала, говорила с ним, как будто он мог понимать меня, и наконец достигла того, что неприступный конь ходил за мною, как кроткая овечка».

Едва ли девочка Надя знала в те годы инструкции по приручению и объездке лошадей. Однако по интуиции она выбрала самый правильный способ воздействия на жеребца. Вот что пишет об этом один из основателей современной высшей школы верховой езды англичанин Джеймс Филлис: «Влияние голоса человека на лошадь. Голос, конечно, только звук его, сильно действует на лошадь, то есть остается у нее в памяти. Говорите лошади нежные вещи строгим голосом, – она испугается; грозите ей мягким тоном, – она останется невозмутимой. Голос служит драгоценным помощником при дрессировке на свободе… Приучается лошадь к голосу легче всего, когда слышит его при награде и ласке. Этим путем к нему ее и следует приучать… Ласками не следует пренебрегать. Ласка и наказание лежат в основе обучения лошади, но применять ее, равно, как и наказание, надо умело. Ласка успокаивает лошадь, поощряет ее и устанавливает, до времени физического воздействия человека на лошадь, их прямое общение…»

Нет сомнения в том, что Дурова обладала врожденными способностями к дрессировке животных и к верховой езде. Эти способности проявились довольно рано.

В одном современном учебнике по конному спорту говорится: «В значительной мере успех обучения в конном спорте зависит от особенностей характера спортсмена. Любовь к лошади – необходимое условие для конника. Она лежит в основе всей целеустремленной работы спортсмена с лошадью наряду со знанием физических и психических возможностей животного. Отношение к лошади должно побуждать в процессе работы с нею делать лошади добро, облегчать ей выполнение нужного маневра, создавать хорошие условия жизни и защищать ее от неприятностей. Старательность – важнейшая черта для конника. Она является залогом хороших результатов обучения и тренировки. При работе с лошадью от конника требуется терпение, самообладание и трудолюбие… Поддержание равновесия, способность воздействовать на лошадь, элегантность облика зависят от особенностей телосложения каждого всадника. Рост взрослого всадника должен составлять около 160–170 см. В противном случае ему трудно подобрать подходящую лошадь. Для посадки важное значение имеют

таз и бедра. Короткий и узкий таз облегчает посадку из-за низкого и устойчивого к сдвигам в сторону положения центра тяжести. Хорошо, если бедра спортсмена длинные, с плоской внутренней поверхностью. Это дает оптимальную возможность для соприкосновения с боками лошади. Длинное, повернутое внутрь бедро, плотно прилегающее при прижатии седалища к седлу, обеспечивает правильное и прочное положение колена…»

Эти рекомендации, адресованные тренерам, принимающим в секции конного спорта новичков, помогают лучше представить облик «кавалерист-девицы». Совсем не была она «кисейной барышней» конца XVIII столетия, томной, манерной, переменчивой в своих настроениях, изнеженной. Скорее всего, она напоминала наших современниц: спортивных и решительных. В них есть уверенность в своих силах и умениях, они способны на резкие поступки. Но это совершенно не характерно для барышень минувших эпох. Уж очень сильно они зависели от мужчин: отцов, братьев, мужей.

Надежда ни от кого не хотела зависеть.

Она была довольно рослой для своего времени девушкой (по полковым документам рост Дуровой – примерно 165 см), худощавой, с длинными ногами, узким тазом, узкими плечами, небольшой грудью, высокой шеей. Она имела правильную осанку, обладала достаточной физической силой и выносливостью. Все это впоследствии помогло ей справиться с большими нагрузками и хорошо освоить профессию кавалериста.

Впрочем, иногда дочери сарапульского городничего в голову приходила мысль, что ее выбор предопределен свыше. Она описывает гадание, которым развлекалась вместе со своими подругами на Святки. Девушки пытались узнать будущих женихов, выйдя в полночь из дома и наводя зеркало на месяц. Отражение в нем должно было подсказать, какого надо ждать суженого. Девушки передавали друг другу зеркало, рассказывая о причудливых видениях, и так оно дошло до юной Надежды:

«В ту же секунду услыхала я, что снег захрустел от чьей-то тяжелой походки; подруги мои взвизгнули и побежали; я проворно оглянулась: это был мой Алкид! Он услышал мой голос, оторвался от привязи и прибежал ко мне, чтоб положить свою голову на мое плечо. Ах, с каким восторгом я обняла крутую шею его!.. Я от души верила, что появление Алкида во время таинственного смотрения на месяц было предвещением, что я вступлю в то звание, которое было всегдашним предметом моих мыслей, желаний, намерений и действий…»

Жизнь Алкида и его служба в конном Польском полку не была легкой. По неопытности и горячности Надежда Андреевна вместе со своей лошадью нередко попадала в сложные ситуации. Черкесский жеребец выручал молодую наездницу, проявляя лучшие качества, заложенные в его породе.

Например, после боевых действий на берегу реки Пассарги в последнюю неделю мая 1807 года, когда полк неожиданно получил приказ покинуть место стоянки, а Дурова в это время спала и не смогла проснуться сразу из-за усталости, Алкид не бросил ее. Он постарался ржанием разбудить хозяйку, наклоняя к ней голову и ударяя копытом в землю. Дорогу к новому бивуаку Надежда Андреевна не знала и потому в отчаянии бросила поводья. Верный и умный конь сам пошел вслед за полком, быстро догнал его и встал на свое место – в колонну 4-го взвода лейб-эскадрона.

Поразительное умение ориентироваться на местности и чутье проявил Алкид 30 мая 1807 года при отступлении армии из города Гейльсберга. На этот раз «кавалерист-девица» одна очутилась ночью на равнине за городом, где днем шло сражение. Она едва не заехала в лагерь неприятельского войска. Спас ее Алкид, который, не слушая поводьев, пошел в другую сторону, пересек холмы и поле, усеянное телами павших воинов, и под утро все-таки добрался до русских позиций. Об этом Дурова самокритично написала: «Превосходнейший конь мой! У какой взбалмошной дуры ты в руках!..»

Жизнь жеребца оборвалась осенью 1807 года. При возвращении с водопоя он ускакал от своей хозяйки в поле и при прыжке через плетень с заостренными кольями упал на них животом. У него хватило сил вернуться на конюшню, но спасти лошадь было уже невозможно. Он умер на глазах у Надежды Андреевны, и она долго оплакивала его кончиу. Надо заметить, что эти строки, проникнутые глубокой сердечной болью, до сих пор волнуют читателей:

«Алкид! мой неоценимый Алкид! некогда столь сильный, неукротимый, никому не доступный и только младенческой руке моей позволявший управлять собою! Ты, который так послушно носил меня на хребте своем в детские лета мои! Который протекал со мною кровавые поля чести, славы и смерти; делил со мною труды, опасности, голод, холод, радость и довольство! Ты, единственное из всех животных существ, меня любившее! Тебя уже нет! ты не существуешь более!

Четыре недели прошло со времени этого несчастного происшествия! Я не принималась за перо; смертельная тоска тяготит душу мою! Уныло хожу я всюду с поникшею головою. Неохотно исполняю обязанности своего звания; где б я ни была и что б ни делала, грусть везде со мною и слезы беспрестанно навертываются на глазах моих!.. Ах, Алкид, Алкид! веселие мое погребено с тобой!..».

Василий Чернов – муж Дуровой и Иван Чернов – ее сын

…К чему торопиться, друг мой? Дом наш, как полная чаша: всем обилен, всего довольно: серебра, жемчугу, образов в дорогих окладах, шуб, платьев. Лене не прожить всего этого и во сто лет; к чему ж так спешить выдавать ее?» – «Какой ты чудак! Пока мы живы, так и надобно пристроить ее! Как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать спокойно конца: долг свой исполнили». – «Да неужели нельзя подождать хоть год, по крайности? Ведь ей нет еще полных четырнадцати лет». – «А знаешь ли ты, что нынче девица в осьмнадцать лет считается уже невестою зрелою, а в двадцать ее и обходят, говоря: ну она уже не молода, ей двадцать лет!» – «Но нашей Елене не будет ни двадцать, ни осьмнадцать через год: ей минет только пятнадцать». – «А разве за ничто считаешь упустить жениха? Разве думаешь, что жених для нее сейчас готов, как мы только вздумаем отдать ее?» – «А почему бы и не так?» – «Право? А не хочешь ли пересчитать по пальцам, сколько у нас в городе старых девок?» – «Но достаток-то наш, матушка, сочти за что-нибудь; наша Елена богатая невеста, так женихи всегда будут». – «Видно, ты не знаешь нынешних женихов!.. Да и что тебе так не хочется отдать ее за Лидина?» – «А тебе отчего такая охота непременно отдать за него?» – «Имею свои причины, мой друг». – «Нельзя ли и мне знать их?» – «Очень можно и даже должно: Леля любит Лидина…»

Через месяц после этого разговора старого Г*** с его женою прекрасная головка Елены красовалась в блондовом чепчике с розовыми атласными лентами, и ее пленительно личико, сделавшись теперь еще пленительнее, сводило всех с ума; она уже была госпожа Лидина…

Н. Дурова. «Игра судьбы, или Противозаконная любовь»

Есть серьезные основания предполагать, что это описание имеет самое непосредственное отношение к самой Надежде Андреевне, к истории ее собственного замужества. Повесть, опубликованную в 1839 году, она снабдила подзаголовком: «Истинное происшествие, случившееся на родине автора» – и в тексте ее неоднократно указывала, что лично знакома с главной героиней, ее отцом, матерью, мужем. Более того, о работе над этим произведением она написала в своем рассказе «Литературные затеи», тем самым отведя ему особое место среди своих книг.

Интересно и то, что именно повесть «Игра судьбы…», а не «Кавалерист-девица…» стала для нее пробой пера, первой попыткой создать литературное произведение, используя свой жизненный опыт. Произошло это еще во время ее военной службы. В 1814–1815 гг. в Литовском уланском полку возник кружок офицеров из восьми человек, занимающихся литературным творчеством. Организатором его выступил Ираклий Николаевич Грузинцов, поручик, 33-х лет от роду, из дворян Саратовской губернии, где за отцом его числилось 99 крепостных крестьян. Грузинцов сам писал стихи. Но начать офицеры решили с прозы, и поручик Александров, признанный наиболее молодым (по внешности) должен был первым подготовить сочинение и прочитать его на очередном собрании кружка за вечерним чаем.

«Такое требование не слишком затрудняло меня, – пишет Дурова в рассказе “Литературные затеи”, – в чемодане моем лежало множество исписанных листов бумаги. …Я вытащила чемодан из-под кровати, уселась подле него на пол, расшнуровала и, захватив рукой кипу бумаг, вынула ее на свет Божий, и как не обрадовалась увидя, что …это – злоключе-

ния Елены Г***!.. Хотя глаза мои были закрыты, но я видела ее; она являлась во всех изменениях: ребенком, девицею, молодою женщиною, красавицею, страшным уродом и, наконец, хладным посиневшим трупом, лохмотьями прикрытым… Я потеряла терпение, встала, велела подать огня и села рисовать с натуры… Товарищам моим и в голову не приходит, как страшно для меня мое полночное занятие!..»

Страшно Надежде Андреевне в то время было перебирать в памяти события ее неудачного брака, вспоминать отношения с мужем, которые, вероятно, продолжались более двух лет. Именно два года Елена Г*** пылко любила Лидина и была рабски предана ему, терпеливо снося измены своего супруга, его попойки, а иногда и пощечины от него. Далее, чтобы устрашить и читателей повести, Дурова в соответствии с канонами романтической литературы проводит свою героиню по всем кругам ада. Елену соблазняет лучший друг ее мужа Атолин. Когда любовник бросает ее, она становится содержанкой мусульманина, богатого татарского князя. Еще одно амурное приключение – и Елена, уже изгнанная из общества падшая женщина, в 20 лет – законченная алкоголичка, затем – нищенка и, наконец, – мучимая неизлечимым недугом (возможно, сифилисом) умершая на улице страдалица.

Но не Елена, по мысли автора, была виновата в своих злоключениях, а те мужчины, которых она любила, которым безгранично доверяла и слепо повиновалась. В отличие от барышни Елены её знакомая барышня Надежда находит в себе силы уйти от мужа-пьяницы и выбирает другой путь. «Я выступила из своей сферы, чтоб стать под развившуюся тогда нашу орифламму…» («Aereum flamma» – золотое знамя – лат. – древний военный стяг французских королей – *Прим. авт.)*.

Часть вины за ужасную судьбу Елены лежит на ее родителях. Мало думая о будущем своей дочери, они отдают ее замуж за человека, не очень хорошо им знакомого, эгостичного, развращенного. Забота у них одна – сбыть с рук юную красавицу. Здесь всё обычно, всё стандартно для дворянской семьи начала XIX века. Муж и жена Г*** в «Игре судьбы…» спокойно обсуждают эту ситуацию между собой: «…надобно пристроить её! Как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать покойно конца: долг свой исполнили…»

Нашим современникам даже трудно представить себе ту степень дискриминации, которой подвергались женщины в эту эпоху (хотя и сейчас подвергаются, например, в мусульманских странах). Так, женщина не могла получить ни общего (девочек не принимали в школы), ни тем более специального образования; не могла занимать должности на государственной службе, не могла избирать и быть избранной, не могла свидетельствовать в суде. По семейному праву при дележе наследства (если не имелось специального завещания) сын получал десять его долей, а дочь умершего лишь одну – одиннадцатую. Положение женщины в обществе определялось её ролью по отношению к мужчине. Она могла быть только «девицей» (за неё отвечали и ею распоряжались родители или её опекуны); «женой» (все имущественные и иные права переходили к мужу); «вдовой» (женщина получала относительную свободу и независимость, и недаром императрица Екатерина Великая любила называть себя «бедной вдовой»).

Особенно тяжёлым было положение «девицы». Пользуясь современным термином, его можно назвать «подконвойным содержанием». Незамужняя девушка не имела права без сопровождения родственников, знакомых или слуг даже покидать пределы дома или усадьбы. Это угнетение Надежде Андреевне казалось более жестоким, чем солдатская служба в рядах императорской армии. Она сравнивает одно с другим в своей книге «Кавалерист-девица…» и пишет:

«Сколько не бываю я утомлена, размахивая целое утро пикою – сестрою сабли, маршируя и прыгая на лошади через барьер, но в полчаса отдохновения усталость моя проходит, и я от двух до шести часов хожу по полям, горам, лесам бесстрашно, беззаботно и безустанно! Свобода, драгоценный дар неба, сделалась уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслажда-

юсь, её чувствую в душе, в сердце! Ею проникнуто мое существование, ею оживлено оно! Вам, молодые мои сверстницы, вам одним понятно мое восхищение! Одни только вы можете знать цену моего счастия! Вы, которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажен без надзора и охранения! которые от колыбели и до могилы в вечной зависимости и под вечной защитою Бог знает от кого и от чего! Вы, повторяю, одни только можете понять, каким радостным ощущением полно мое сердце при виде обширных лесов, необозримых полей, гор, долин, ручьев, и при мысли, что по всем этим местам я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни от кого запрещения, я прыгаю от радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу более слов: ТЫ ДЕВКА, СИДИ, ТЕБЕ НЕПРИЛИЧНО ХОДИТЬ ОДНОЙ ПРОГУЛИВАТЬСЯ! Увы, сколько прекрасных ясных дней началось и кончилось, на которые я могла только смотреть заплаканными глазами сквозь окно, у которого матушка приказывала мне плесть кружево…»

Избавиться от родительской опеки и строгого надзора можно было одним способом – выйти замуж. Тогда женщина становилась хозяйкой дома, и, хотя юридически власть в этом доме принадлежала хозяину-мужчине, фактически управлять всем, так сказать, вести дом могла и одна женщина. Потому девушки из благородных семейств стремились выйти замуж пораньше. В руки юных, порой 16—18-летних жен попадало довольно сложное хозяйство: многокомнатные особняки, прилегающие к поместью или усадьбе сады, оранжереи, огороды, всевозможные подсобные службы и целый штат крепостной прислуги, работу которой надо было организовать.

Девушек-дворянок с детства готовили к этой роли, прививая им мысль, что единственное предназначение женщины в мире – быть женой, матерью, хозяйкой дома. С этой точки зрения брак, замужество – тем более по выбору родителей – представлялись юным прелестницам чем-то вроде суровой обязанности, службы, которую они должны выполнять добросовестно.

Младшая современница Н. А. Дуровой Анна Алексеевна Оленина (в замужестве – Андро, 1808–1888 гг.) в годы своей юности вела дневник. Он стал достоянием истории потому, что за Олениной в 1827–1828 гг. ухаживал А. С. Пушкин, и даже сделал ей предложение руки и сердца. Но родители девушки, принадлежавшие к высшему петербургскому обществу, не дали своего согласия на этот брак. «Он был велтопаух (вертопрах), не имел никакого положения в обществе и не был богат» – так много лет спустя объяснила этот отказ сама А. А. Оленина. Но в 20 лет, размышляя о предстоящем замужестве, Аннет (так она себя называла) записала в своём дневнике следующее: «Буду ли я любить своего мужа? Да, потому что перед престолом Божьим я поклянусь любить его и повиноваться ему. Но по страсти ли я выйду? Нет!.. Никогда уже не будет во мне девственной Любови, и ежели я выйду замуж, то будет любовь супружественная. И так как супружество есть вещь прозаическая, без всякого идеализма, то рассудок и ПОВИНОВЕНИЕ мужу заменят тут пылкость воображения…»

Вероятно, оставив в стороне чувства и думая лишь о повиновении сначала – родителям, затем – мужу, выходили замуж в 1800-е гг. многие сверстницы и погодки Надежды Андреевны. Например, Маргарита Нарышкина (1781–1852 гг.) в 16 лет по воле родителей вышла замуж за известного в Петербурге красавца и богача П. М. Ласунского. Брак оказался неудачным. С трудом получив развод, она вернулась в родительский дом и в 1806 году вторично вышла замуж, уже по любви – за генерал-майора Алексея Алексеевича Тучкова (1777–1812 гг.), который погиб в Бородинском сражении. На месте его гибели Маргарита Михайловна на свои средства построила храм, и это был первый памятник, установленный там в память воинов, «убиенных на поле брани». Затем, приняв монашеский постриг под именем Марии, она стала первой настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря и завещала похоронить себя рядом с мужем…

А. А. Оленина (в замужестве – Андро). Художник И. К. Макаров

Венчание самой Н. А. Дуровой состоялось 25 октября 1801 года в Вознесенском соборе города Сарапула. Невесте было 18 лет, жениху – 25. Его звали Василий Степанович Чернов. Он являлся чиновником 14-го класса, дворянским заседателем. К сожалению, больше сведений о биографии мужа «кавалерист-девицы» пока не найдено. Известно лишь, что служил он в Сарапульском Нижнем земском суде. Его фамилия есть в списке чиновников Российской империи за 1802 год.

Нижние земские суды, где служил В. С. Чернов, появились в России в результате закона Екатерины Великой «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» (принят 7 ноября 1775 года) и представляли собой не суды в современном понимании этого слова, а скорее полицейские управления. Они находились под началом земского капитана-исправника (комиссара) и должны были следить «за охранением благочиния, доб-

ронравия и порядка», выполнением законов империи и постановлений губернатора всеми проживающими в губерниях и уездах лицами.

На чиновников Нижних земских судов возлагались самые разные обязанности: контроль за торговлей, за правильностью применяющихся в лавках мер и весов, поимка всякого рода беглых (крепостных крестьян, солдат, арестантов), содержание и исправность мостов, дорог, паромных переправ и т. д. и т. п.

Все должности в Нижнем земском суде были выборными. Выбирали кандидатов на них только дворяне и из числа дворян же сроком на три года. Губернатор утверждал списки, и тогда выбранные становились чиновниками. Они получали жалованье: капитан-исправник – 250 рублей в год, дворянские заседатели и секретарь суда – по 200 рублей. Также они должны были носить форменную одежду.

Как видно из всего вышесказанного, работа у Василия Чернова была хлопотная, связанная с разъездами по всему Сарапульскому уезду. Об этом – о частых командировках, отлучках Лидина из дома – Надежда Андреевна не раз упоминает в своей повести. Затем она пишет, что чета Лидиных переехала в другой город, где Лидин получил новое назначение. Некоторые исследователи считают, что Василий Чернов с женой тоже покинул Сарапул и какое-то время служил в Ирбите, но никаких документов, подтверждающих этот факт, в краеведческом музее и в государственном архиве города Ирбита не имеется.

Супружеские отношения Елены Г*** и Лидина прервались внезапно: «…он уехал, как только получил отставку… уезжая, он оставил ей письмо, в котором пишет, что не возвратится к ней во всю жизнь, чтоб она считала себя свободною и поступала, как хотела…». Точно так же пропал и Василий Степанович Чернов. Ещё 7 января 1803 года он присутствовал в Вознесенском соборе при крещении своего сына Иоанна, что и было отмечено в регистрационной книге этого храма. Но в «Месяцеслове с росписью чиновных особ…» за 1803 год среди чиновников российских губерний его фамилии уже не значится.

Косвенное упоминание о семейном положении Надежды Андреевны есть в формулярном списке её отца, составленном в 1825 году. В нём говорится, что А. В. Дуров «женат, имеет сына Василия, который служит в Ямбургском уланском полку штабс-ротмистром, и при себе двух дочерей, одну – вдову, другую – девицу». Девицей была младшая сестра Дуровой Клеопатра 1791 года рождения. Следовательно, вдовой названа Надежда Андреевна. Но когда и от чего скончался её муж, где он похоронен, – всё это доселе остаётся неизвестным.

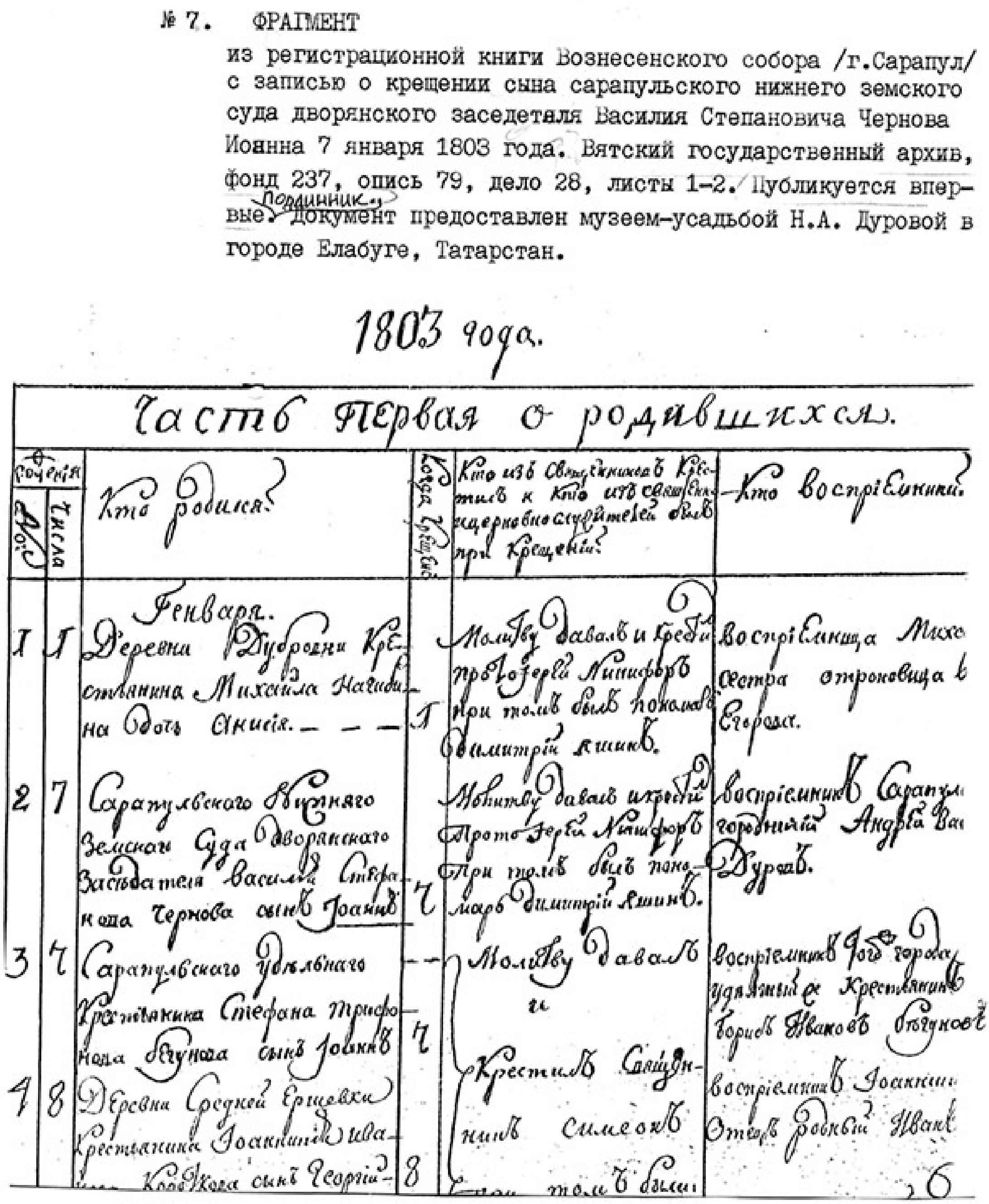
Представление о характере и нравственных качествах этого человека, вероятно, можно почерпнуть из повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», хотя тут автор явно пристрастен и не жалеет чёрных красок для своего персонажа:

«…Он был собою молодец, довольно ловкий с дамами, довольно вежливый со старухами, довольно образованный, довольно сведующий по тамошнему месту, довольно буйный, довольно развратный… Мать Елены, не имевшая никакого понятия о двух последних его качествах, потому что он тщательно скрывал их, и пленяясь только видимыми достоинствами, в душе нарекла его своим зятем…»

Если для истории своего замужества Н. А. Дурова нашла литературную форму и портрет человека, с которым свела её жизнь в юные годы, более или менее полно нарисовала, то о сыне она не писала нигде и никогда.

В регистрационной книге Вознесенского собора в Сарапуле есть запись о крещении сына дворянского заседателя Нижнего земского суда Василия Степанова Чернова, коему было дано имя Иоанн. Восприемником при крещении выступил городничий Дуров. Датируется запись 7-м января 1803 года. Легко представить радость двух семей Дуровых и Черновых: молодая жена родила первенца, и это – сын, наследник фамилии. Но что произошло потом, почему супруги расстались – объяснить трудно. Возможно, они не сошлись харак-

терами, возможно Чернов (если он – прототип Лидина) предался пьянству и разврату, а Надежда, в отличие от глупой и слабовольной Елены, терпеть его выходки не захотела.



№ 7. ФРАГМЕНТ
из регистрационной книги Вознесенского собора /г.Сарапул/ с записью о крещении сына сарапульского нижнего земского суда дворянского заседателя Василия Степановича Чернова Иоанна 7 января 1803 года. Вятский государственный архив, фонд 237, опись 79, дело 28, листы 1-2. Публикуется впервые. Подлинник. Документ предоставлен музеем-усадьбой Н.А. Дуровой в городе Елабуге, Татарстан.

1803 года.

Часть первая о родившихся.

Счисления: №	Числа	Кто родился	Когда крещен	Кто из священников крестил и кто из священно-церковнослужителей был при крещении	Кто восприемники

Фрагмент из регистрационной книги Вознесенского собора в г. Сарапул с записью о крещении сына Н. А. Дуровой Ивана Чернова

Это дало повод исследователям позднейшего времени – особенно в советский период – обвинять героиню в поступках весьма недостойных и предосудительных: оставила своего ребёнка у пьяницы-мужа, впоследствии не встречалась с ним, его судьбой не интересовалась и даже не переписывалась, а если он писал ей, то требовала, чтобы обращался официально: «Ваше благородие штабс-ротмистр».

Такую версию неоднократно излагал в своих работах Б. В. Смиренский. «Вскоре В. С. Чернов уехал в служебную командировку в Ирбит вместе с женой и сыном. Однако согласия между супругами не было, и Надежда покинула мужа, оставив ему сына. Эта краткая страница жизни полностью забыта в воспоминаниях Дуровой, как недостойная памяти», – писал он во вступительной статье к изданию «Записки кавалерист-девицы» в 1960 году и в 1966 году (Казань, Татарское книжное издательство, тираж 40 тысяч экз. и 100 тысяч экз.).

Примерно такая же оценка: ушла от мужа, оставила ему сына, больше отношений с ним не поддерживала – дана и во вступительной статье А. Ерохина к изданию «Записки кавалерист-девицы» в 1962 году (Москва, изд-во «Советская Россия», тираж 100 тысяч экз.), и во вступительной статье Вл. Муравьева к изданию «Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой» в 1983 году (Москва, изд-во «Московский рабочий», тираж 200 тысяч экз.).

Советские литературоведы почему-то не обратили внимания на один документ, опубликованный ещё в 1912 году. Это – копия, полученная полковым музеем 5-го уланского Литовского полка из Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений. Канцелярия по запросу из полка сделала выписку из своей регистрационной книги за 1808 год. Эта копия выглядит так:

«Из Вятской губернии. Дуров, коллежский советник Вятской губернии города Сарапуля городничий, просит определить 9-летнего сына его и внука – сына дочери его, отличившейся в прошедшую с французами войну под именем Соколова, – в какой-нибудь корпус, а 8-летнюю дочь – в Смольный Монастырь, и доставить их сюда на казенный счет.

7081

Докладывано 1 Ав. 1808 г.

Высочайше повелено внука просителя и дочь привезти сюда на казенный счет и определить первого – в военно-сиротское отделение, а последнюю – в таковое же отделение под управлением Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны находящееся…»

Из выписки совершенно ясно, что Иван Чернов в это время жил у своего деда в Сарапуле, а не у отца. Также ясно, что император Александр I был в курсе семейных дел Н. А. Дуровой. По крайней мере, он знал, что она ушла от мужа с ребёнком и, как показывают найденные документы, обещал об этом ребёнке позаботиться. Своё обещание государь выполнил.

Записи в регистрационной книге Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений предшествовало обращение на высочайшее имя самого Андрея Васильевича Дурова. Он послал его в Санкт-Петербург в июне 1808 года.

«С кончиною жены моей, – говорилось в прошении, – не имея никаких способов доставить приличное воспитание остающимся в семействе моём малолетним детям моим сыну Василию 9-ти лет и дочери Евгении 8-ми лет да внуку моему рожденному от означенной дочери моей под именем Соколова Ивана (по отцу Чернов) 7-ми лет. Я повергаюсь к стопам Твоим Всемилостивейший Государь! Прошу милосердно на судьбу сих малолетних воззрения…»

Как видно из выписки и других документов, на это прошение был дан в целом положительный ответ. Александр I распорядился поместить Ивана Чернова в Императорский военно-сиротский Дом, Евгению Дурову – в женское отделение этого Дома. Василия же Дурова в список облагодетельствованных не внесли. Зато было разрешено детей вместе с сопровождающим доставить в столицу на казенный счёт. Деньги на это путешествие – 147 рублей 61,5 копейки, сумму по тем временам немалую, – выделили из Государственного казначейства, чему предшествовала ведомственная переписка с декабря 1808 года по февраль 1809 года.

Александр I. Художник Г. Кюгельхен

Чтобы понять смысл этих событий, надо вспомнить, что у императора Александра I в начале XIX века городничих было много (по списку городов Российской империи – до 400 человек), а государственных учебных заведений, где юные дворяне могли бы получить образование за казённый счёт, очень мало. В 1732 году в Санкт-Петербурге был основан

Сухопутный шляхетский корпус на 300 кадетов (впоследствии – 1-й Кадетский), в 1752 году – Морской шляхетский корпус на 120 кадетов, в 1762 году – Артиллерийский и Инженерный корпус на 146 кадетов (впоследствии – 2-й Кадетский). Довольно далеко от столицы с 1800 по 1806 год в Гродненской губернии существовал Гродненский кадетский корпус (затем переведён в Смоленскую губернию, а с 1824 года – в Москву, где назван Московским кадетским). Преимущественным правом при зачислении в кадетские корпуса пользовались сыновья офицеров, погибших на войне и находящихся на действительной военной службе.

Детям бедных дворян из провинции попасть в кадеты было очень и очень непросто. О том имеются воспоминания генерала от артиллерии и выдающегося деятеля эпохи Александра I графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834 гг.), родившегося в Бежецком уезде Тверской губернии. В январе 1783 года он с отцом приехал в Петербург и подал прошение о приёме в Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус. Более полугода тянулось рассмотрение этого дела. Аракчеевы не имели высоких покровителей в столице. Также не было у них и денег, чтобы дать взятку сотруднику корпусной канцелярии. Только случай помог тверским дворянам. Как-то увидев во дворе директора корпуса генерала Милиссино, Алексей Аракчеев бросился к нему в ноги и, рыдая, стал умолять его о зачислении в кадеты.

Милиссино пожалел 14-летнего подростка, поговорил с его отцом и тотчас написал в канцелярию свою записку. Только после этого будущий реформатор русской артиллерии и военный министр смог наконец надеть кадетский красный мундир с чёрными бархатными лацканами. Много лет спустя А. А. Аракчеев, вспоминая эту историю, называл её «уроком бедности и беспомощного состояния» и требовал от своих подчинённых, чтобы «резолюции по просьбам» всегда делались без задержек…

Императорский военно-сиротский Дом, куда по решению государя был определён Иван Чернов, существовал на положении кадетского корпуса. Начало своё он вёл от «Дома военного воспитания», образованного из Гатчинского сиротского дома, который в 1794 году учредил и на свои средства содержал Великий князь Павел Петрович, впоследствии император Павел I. Указ о создании Императорского военно-сиротского Дома и его отделений при гарнизонных полках датируется 23 декабря 1798 года.

Согласно смете, утверждённой Павлом I, на содержание Императорского военно-сиротского Дома тогда отпускалось 126 167 рублей 31,5 копейки (в том числе на жалованье, на мундирные и прочие вещи – 110 767 рублей 41 копейка, на провиант – 15 699 рублей 89 копеек) и на все Отделения этого Дома при гарнизонных полках – 520 076 рублей 21 копейка. При этом Дом состоял из двух отделений: благородного и солдатского. В первом было 200 мальчиков и 50 девочек, во втором – 800 мальчиков и 50 девочек.

«В первое Отделение определяются, по достаточным доказательствам о дворянстве и неимуществе, дети как Дворянские, так равно Штаб- и Обер-Офицерские, без телесных недостатков, не входя при том в разбирательство религии, но только не старее 11 лет. Их называть кадетами, – гласил царский указ. – Числа им не полагается, но в приёме преимуществуют те дети, коих родители скончали дни, служа отечеству; потом предпочитаются те из них, коих отцы, хотя и продолжают военную или гражданскую службу, но состояния скудного. Содержать пищею и одеждою и обучать на казённом коште: 1) Закону Божьему по рождению их родителей, 2) Российскому, 3) Немецкому языкам, то есть: читать, писать и говорить сии наречия, 4) Грамматике и переводам тех языков, 5) Арифметике, 6) Геометрии, 7) Артиллерии, 8) Фортификации и Тактике, 9) Рисовать, 10) Истории и 11) Географии; однако же не в таком виде, чтобы обучать могли, но чтобы сами сими познаниями пользоваться умели…»

Девочек благородного отделения обучали Закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, рисованию, географии и истории, а также шитью, вязанию и «плетению

всякого рода». Кроме того, при выходе замуж им полагалось приданое: 300 рублей из Кабинета Его Величества и 200 рублей из бюджета Императорского военно-сиротского Дома.

Павел I считал его своим любимым детищем и даже подарил собственный портрет. «Не было и недели, чтобы питомцы заведения не видели своих августейших покровителей. Императрица никогда не приезжала без целого транспорта корзин, наполненных конфектами и другими лакомствами, которые она собственноручно раздавала и мальчикам и девочкам. Император, в сравнении с его отношением к другим заведениям, был даже пристрастен к Дому. Это пристрастие весьма рельефно выражалось по отношению к выпускным воспитанникам: сверх обмундирования им выдавалось ещё денежное пособие из какого-то собственно для этого существующего капитала. Для производимых же в полки гвардейской кавалерии, государь дарил лошадей из собственной его конюшни…» – говорится в воспоминаниях И. Р. Тимченко-Рубана, который был воспитанником Дома в 1797–1799 гг.

Особый капитал у Дома действительно был. В 1799 году графы Михаил и Николай Петрович Румянцевы, сыновья фельдмаршала Румянцева-Задунайского, пожертвовали заведению 50 тысяч рублей «в благодарность за поставленный памятник службе отца их». В 1800 году 50 тысяч рублей передал Дому петербургский купец Нащокин. Эти суммы, помещенные в банк, приносили около 3 тысяч рублей дохода ежегодно. Из этих денег кадеты при выпуске их в полки офицерами и получали дополнительное пособие.

В 1807 году воспитанники Дома получили форменную одежду, одинаковую с воспитанниками 1-го кадетского корпуса.

Согласно месячным рапортам за 1809–1811 гг. в Императорском военно-сиротском Доме состояло от 400 до 420 строевых кадетов и от 80 до 90 малолетних кадетов. Они разделялись на две роты, которыми командовали капитаны Эбергерд и Свечкин, затем – Клуген. Еще в заведении служили 8 обер-офицеров, 3 унтер-офицера, 6 военных музыкантов (барабанщики и трубачи). Директором с 1806 года являлся полковник Геен, с 1815 года эту должность занял полковник, затем генерал-майор Арсеньев.

Фамилия Чернов встречается в списках Дома неоднократно. Дело в том, что имена и отчества кадетов в отчетных документах тогда не ставили, а однофамильцам присваивали номера. Поэтому в начале XIX века в заведении находились: Чернов 1-й, принятый в январе 1799 года; Чернов 2-й, принятый в сентябре 1801 года; Чернов 3-й, принятый в декабре 1807 года. Чернов 4-й впервые показан в тех списках, которые сохранились, в сентябре 1809 года, при этом указано, что он поступил в Дом 5 марта 1809 года.

Время выезда Ивана Чернова и Евгении Дуровой из Сарапула – февраль 1809 года. Ехать в Петербург они могли только по тракту через Вятку и Москву. Это расстояние, согласно «Указателю дорог Российской империи» достигало 1988 верст, и по зимней дороге его можно было преодолеть не менее чем за две недели.

Следовательно, к началу марта дети как раз и должны были появиться в столице.

Чернов 4-й фигурирует в списках малолетних кадетов роты капитана Обергарда с 1809 по 1811 год, что соответствует реальности, так как сыну Дуровой было в это время восемь, а затем девять лет. (РГВИА, ф. 25 оп 1/ 160, д. 816, л. 7 оборот – 8. Месячный рапорт Императорского военно-сиротского Дома за август месяц. Сентября 1-го дня 1809 года).

В ежемесячных рапортах Дома отмечались не только фамилии воспитанников, но и их поведение. Оно могло быть «хорошим», «изрядным», «посредственным» и «плохим». Судя по рапортам, Ванечка Чернов являлся примерным воспитанником и всегда получал оценку «изрядное поведение».

Повседневная жизнь в Доме укладывалась в рамки режима, определенного Высочайшим указом для всех кадетских корпусов того времени: подъем в 6 часов утра, общая молитва и первый завтрак – в 7 часов утра, начало занятий в классах – в 8 часов, в 11 часов – второй завтрак, после него – внеклассное приготовление уроков и прогулка, в 2 часа дня

– обед, с 3 до 6 часов – снова занятия в классах, затем – прогулка, в 8 часов вечера – ужин, после 9 часов – общая молитва и сон.

Занятия в классах имели вид лекций, каждая из которых длилась около полутора часов. Одну лекцию от другой отделял перерыв в десять минут. Кое-что известно и о том, как распределялась учебная нагрузка. Например, в 1812 году в Императорском военно-сиротском Доме кадеты занимались немецким языком 15 часов в неделю, арифметикой – 16,5 часа, русской грамматикой – 18 часов, русским чтением и письмом – 15 часов, рисованием – 6 часов.

Таким было расписание в будние дни в течение всего учебного года, который продолжался с середины августа до середины июня. Кроме летних каникул, когда малолетних кадетов распускали по домам, а кадетов строевого возраста вывозили в лагеря, существовали еще и каникулы рождественские и пасхальные.

В возрасте 17–20 лет, в зависимости от усвоения учебной программы, кадеты покидали стены Императорского военно-сиротского Дома. Как правило, их производили в первый офицерский чин и распределяли на службу в армию – в артиллерию и пехоту. Гораздо реже они поступали на статскую службу. В этом случае им давали чин 14-го класса (коллежский регистратор).

Так, Чернов Федор Степанович, происходивший из обер-офицерских детей Санкт-Петербургской губернии и в списках Дома числившийся под номером 2, в 1815 году стал прапорщиком в Черниговском пехотном полку. Было ему в это время 19 лет. Чернов Александр Васильевич, сын отставного прапорщика и в списках Дома числившийся под номером 3, в 1817 году сам стал прапорщиком в 26-м Егерском полку. Было ему в это время 17 лет.

Иван Васильевич Чернов, согласно его формулярному списку, находящемуся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, покинул Императорский военно-сиротский Дом в возрасте 16 лет, в сентябре 1819 года. Но по стопам своей знаменитой матери он не пошел и стал не офицером, а чиновником 14-го класса в Адмиралтейств-коллегии. Затем он служил в Департаменте внешней торговли, на петербургской таможне, в Комиссариатском департаменте, успешно продвигаясь по служебной лестнице (последний чин – титулярный советник, должность – столоначальник) и регулярно получая в награду за свои труды денежные премии.

В 1834 году Ванечка женился на Александре Бельской, сестре своего друга и жительнице Петербурга. Надежда Андреевна благославила этот брак. К сожалению, пока не найдены сведения о детях Чернова и Бельской, внуках и прямых потомках «кавалерист-девицы». Но трудный поиск продолжается. Его ведет ст. научный сотрудник музея-усадьбы Дуровой в Елабуге О. А. Айкашева.

Пока сын находился в Императорском военно-сиротском Доме, наша героиня брала отпуска в полку и ездила туда неоднократно. Только в книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России» она постаралась как можно больше запутать описание своих поездок в Петербург, смещая даты и события.

«Три года с половиною отец не видел меня (то есть речь идет о начале 1810 года: побег из дома в сентябре 1806-го плюс три года и шесть месяцев. – *А.Б.*)… – пишет она в главе “Отпуск”. – Я поехала одна на перекладных, взяв с собою в товарищи только саблю свою, и более ничего…» Далее из рассказа выясняется, что поездка выпала на зимнее время. Во-первых, «кавалерист-девица» была в шинели. Во-вторых, «дорога зимняя начинала портиться» на ее обратном пути из Сарапула в Дубно, где стоял Мариупольский гусарский полк. По словам Дуровой, у отца она была недолго: «Беспрерывные расспросы наших провинциалов навели на меня такую грусть, что я почти с радостью увидела рассвет того дня, в который должна была ехать обратно в полк».

На самом деле прошение об отпуске Надежда Андреевна подала в октябре 1808 года, причем обратилась прямо к военному министру, что являлось нарушением установлен-

ного порядка. По-видимому, командование полка не одобрило намерение молодого офицера, только в феврале 1808 года начавшего службу, уже через восемь месяцев просить, как тогда говорили, «домовой отпуск». Дурова же знала, что сын ее уезжает на учебу в Санкт-Петербург и хотела в этом длинном путешествии его сопровождать хотя бы от Сарапула до Москвы. «…Мог получить отказ, которого в рассуждении моих обстоятельств ничего не могло быть хуже», – пишет она Аракчееву.

Отпуск на два месяца ей дали. Надежда Андреевна отправилась в Сарапул через Москву, где была 8 и 9 января 1809 года, что и отмечено в рапорте Московского ордонанс-гауза. Обратно корнет Мариупольского гусарского полка Александров проследовал через Москву, согласно такому же рапорту, 20 февраля. Тут совпадают две даты. Если в Москве они находились 20 февраля, то к 5 марта 1809 года, означенному в рапорте Императорского военно-сиротского Дома как поступление Чернова 4-го, дети непременно должны были прибыть в Северную столицу, потому что дорога из Москвы в Петербург зимой занимала от 6 до 9 дней.

Замечание о зимней дороге, которая «начинала портиться» (в феврале-то! – *А.Б.*), можно отнести к обычному для Надежды Андреевны приему, который она не раз применяла в книге, когда хотела скрыть, затушевать факты своей жизни, по ее мнению, читателям ненужные. Сведения о сыне были не просто не нужны читателям «кавалерист-девицы». Разглашение их было прямо-таки ей запрещено царем Александром I.

О своем втором отпуске, еще более длительном (три месяца, с 13 декабря 1810-го по 15 марта 1811 года), Дурова в «Кавалерист-девице…» вообще не упомянула. Но была она в это время в столице. Об этом свидетельствует ее письмо графу Аракчееву, написанное в Санкт-Петербурге: «…простите мне ваше сиятельство, что я осмелился писать к вам, тогда когда мог бы иметь щастие лично благодарить вас за все милости, которыми был вам обязан, но мундир мой в таком состоянии, что я против воли должен лишить себя щастия явиться вашему сиятельству…»

Интересно то, что этот отпуск Дуровой совпадает с рождественскими каникулами в Императорском военно-сиротском Доме (с 24 декабря по 10 января), когда кадетов отпускали к родителям или к родственникам, живущим в столице. Как известно, брат А. В. Дурова Николай жил в Петербурге в доме Кузьминой, расположенном на Сенной площади. О том, что она была в гостях у своего дяди, Надежда Андреевна в книге написала. Однако она отнесла этот визит к какому-то своему мифическому отпуску в 1816 году, о котором в ее формулярном списке ничего не сообщается.

«Квартира его на Сенной площади, и он говорит, что имеет всегда перед глазами самую живую и разнообразную картину, – пишет она в книге. – Вчера он подвел меня к окну: посмотри, Александр, не правда ли, что зрелище живописное?.. Слава Богу, что дядюшка не сказал – прекрасное!.. Не понимаю, как можно находить хорошим что-либо неприятное для глаз! Что занимательного смотреть на толпу крестьян, неуклюжих, грубых, дурно одетых, окруженных телегами, дегтем, рогожами и тому подобными гадостями!..»

Сенная площадь получила свое название от Сенного рынка, располагавшегося на ней в начале XIX века. Крестьяне из пригородных деревень торговали здесь сеном, овсом, хомутами, колесами, кожей, колымажной мазью, подковами и другими предметами для упряжек и упряжных лошадей. Похоже, корнет Мариупольского гусарского полка Александров не только из окна дядиной квартиры рассматривал это торжище и все «гадости», продававшиеся на нем. Зимой 1810–1811 гг. во время ежедневных прогулок по городу Надежда Андреевна, наверное, часто проходила между рыночными рядами, придерживая одной рукой, чтобы не испачкать, полы широкой офицерской шинели с пелериной и бобровым воротником, а другой – сжимая ладошку своего девятилетнего сына, кадета малолетнего возраста Императорского военно-сиротского Дома. Но описывать в своем произведении она, вер-

ная слову, данному своему государю, должна была только рынок, а не дорогого ее сердцу ребенка.

Побег из отцовского дома

Наконец настало решительное время действовать по предназначенному плану! Казаки получили повеление выступить; они вышли 15 сентября 1806 года; в пятидесяти верстах от города должна быть у них дневка. Семнадцатого был день моих именин, и день, в который судьбою ли, стечением ли обстоятельств, или непреодолимой наклонностию, но только определено было мне оставить дом отцовский и начать совсем новый род жизни. В день СЕМНАДЦАТОГО СЕНТЯБРЯ я проснулась до зари и села у окна дожидаться её появления: может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной! Что ждёт меня в бурном свете! Не понесётся ли вслед за мною проклятие матери моей и горесть отца! Будут ли они живы! Дождутся ли успехов гигантского замысла моего! Ужасно, если смерть их отнимет у меня цель действий моих! Мысли эти то толпились в голове моей, то сменяли одна другую! Сердце моё стеснилось, и слёзы заблистали на ресницах. В это время занялась заря, скоро разлилась алым заревом, и прекрасный след её, пролившись в мою комнату, осветил предметы: отцовская сабля, висевшая на стене прямо напротив окна, казалась горящею. Чувства мои оживились. Я сняла саблю со стены, вынула её из ножен и, смотря на неё, погрузилась в мысли; сабля эта была игрушкою моею, когда я была ещё в пеленах, утехою и упражнением в отроческие лета, и почему ж теперь не была бы она защитою и славою моею на военном поприще». «Я буду носить тебя с честию», – сказала я, поцеловав клинок и вкладывая её в ножны. Солнце взошло. В этот день матушка подарила мне золотую цепь; батюшка – триста рублей и гусарское седло с алым вальтрапом; даже маленький брат отдал мне золотые часы свои. Принимая подарки родителей моих, я с грустью думала, что им и в мысли не приходит, что они снаряжают меня в дорогу дальнюю и опасную…

Н. Дурова.

«Кавалерист-девица. Происшествие в России»

В сентябре 1806 года Надежде Андреевне исполнилось 23 года. За плечами у неё уже было замужество, неудачно сложившаяся семейная жизнь, фактический, но не юридический развод с В. С. Черновым. Возможно, она действительно куда-то уезжала с мужем из Сарапула на год-два. Но теперь вернулась в дом отца вместе с сыном, которому было три года и восемь месяцев, и жила на первом этаже садового дома, отдельно от семьи А. В. Дурова. Для её деятельной и энергичной натуры эта жизнь, не имевшая определённой перспективы, лишенная высокой цели, была скучна. Она могла бы посвятить себя воспитанию сына, могла бы хлопотать о втором браке, предварительно оформив церковный развод в Вятской епархии. Однако после печального опыта с Черновым Дурова, по-видимому, с большой осторожностью относилась к мужчинам, опасаясь повторения прежней истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.